

КАТОРЖНЫЕ ПРАВИЛА И КАТОРЖНЫЙ ПРИГОВОР.

Еще одни «временные правила»!

На этот раз дело идет только не о студентах, повинных в непокорности, а о крестьянах, повинных в том, что они голодают.

15 сентября высочайше утверждены и немедленно вслед за этим опубликованы «Временные правила об участии населения пострадавших от неурожая местностей в работах, производимых распоряжением ведомств путей сообщения и земледелия и государственных имуществ». Познакомившись с этими правилами (конечно, не по газетным публикациям, а по собственному опыту), русский мужик увидит новое подтверждение той истине, которую вбило в него вековое порабощение помещикам и чиновникам: когда начальство торжественно заявляет, что мужику «предоставляется участие» в большом или маленьком деле, в выкупе помещичьей земли или в общественных работах по случаю голода — надо ждать какой-нибудь новой казни египетской.

В самом деле, временные правила 15 сентября своим содержанием производят впечатление нового карательного закона, дополнительных правил к уложению о наказаниях. Прежде всего, самое устройство и ведение работ обставлено такой сугубой осторожностью и волокитой, как будто бы дело шло об обращении с какими-нибудь повстанцами или ссыльно-каторжными, а не с голодающими. Казалось бы, устроить работы — дело самое простое: земские и другие учреждения получают средства и нанимают рабочих строить шоссе, расчищать леса и т. п. Обыкновенно работы подобного рода так и производятся. А теперь создается особый порядок: земский начальник указывает работы, губернатор составляет свое заключение, которое идет в Спб., в особое «совещание по продовольственному делу», состоящее под председательством товарища министра внутренних дел из представителей разных министерств. Кроме того, общее заведывание возложено на министра, который может назначать и особых уполномоченных. Петербургское совещание будет даже устанавливать предельные размеры вознаграждения рабочих — то есть, должно быть, следить за тем, чтобы не «развращали» мужика слишком высокой платой! Очевидно, что временные правила 15 сентября имеют целью затруднить широкое применение общественных работ, точно также как сипягинский циркуляр 1 августа затруднил выдачу пособий голодающим.

Но еще гораздо важнее и гораздо вреднее особые постановления о порядке найма крестьян на работы.

Если работы производятся «вне районов их оседлости» (так будет, естественно, в громадном большинстве случаев), то рабочие образуют особые артели под наблюдением

земского начальника, который утверждает и старосту для надзора за порядком. Сами выбирать старосту, как делают обыкновенно рабочие, голодающие крестьяне не смеют. Их ставят под начало вооруженному розгой «земскому»! Членам артели составляется особый список, который заменяет для них установленные законом виды на жительство... Вместо отдельных паспортов будут, следовательно, артельные списки. К чему эта замена? К тому, чтобы стеснить мужика, который при отдельном паспорте свободнее мог бы устроиться, как ему удобнее, в новой местности, легче мог бы уйти с работы в случае недовольства.

Далее. «Забота о сохранении должного порядка во время пути и передача доставленных партий рабочих заведующим работами вверяется чинам, особо командированным мин-ством внутр. дел». Свободным рабочим выдаются задатки на проезд, крепостных — «доставляют» «партиями» по списку и «передают» особым чинам. Не правы ли крестьяне, когда они смотрят на «общественные» и казенные работы, как на новое крепостное право?

И действительно, закон 15 сентября приближает голодающих крестьян к крепостным не только в том отношении, что отнимает у них свободу передвижения. Закон дает чиновникам право удерживать часть заработной платы для отсылки семействам рабочих, если это находит нужным «губернское начальство местностей, где остались семьи». Заработанными деньгами будут распоряжаться без согласия самих рабочих! Мужик глуп: сам о своей семье позаботиться не сумеет. Начальство это все гораздо лучше сделает: кто не слыхал, в самом деле, как оно хорошо заботилось о мужицких семьях в военных поселениях?

Одна беда: мужики теперь не так уже, пожалуй, покорны, как во времена военных поселений. Могут ведь и потребовать, чтобы им выдали обыкновенные паспорта, чтобы не смели, без их согласия, удерживать заработанных денег? На этот случай надо строгости усилить, и закон постановляет в особой статье, что «надзор над сохранением рабочими должного порядка в местах производства работ возлагается, по распоряжению министра внутренних дел, на местных земских начальников, офицеров отдельного корпуса жандармов, полицейских чиновников или особо для сего назначенных лиц». На голодающих крестьян правительство, очевидно, заранее смотрит, как на «бунтовщиков», устанавливая, кроме общего надзора всей российской полиции за всеми русскими рабочими, еще особый строжайший надзор. Мужика заранее решили взять в ежовые рукавицы за то, что он осмеливается «преувеличивать» голод и проявляет (как выразился Сипягин в своем циркуляре) «ничем неоправдываемую требовательность по отношению к правительству».

А чтобы не возиться с судами в случае каких-либо неудовольствий рабочих, временные правила дают чиновникам право подвергать рабочих аресту до трех дней без особого судебного производства за нарушение тишины, недобросовестность в работе, неисполнение распоряжений!! Свободного рабочего надо привлекать к мировому, перед которым он может защищаться, и на решения подавать жалобу, — а голодающего мужика можно сажать в кутузку без всякого суда! Свободного рабочего за нежелание работать можно только рассчитать, — а голодающего мужика новый закон предписывает «за упорное уклонение от работ» отправлять по этапу на родину, вместе с ворами и разбойниками!

Новые временные правила, это — настоящие каторжные правила для голодающих, правила об отдаче их в работы с лишением прав за то, что они осмелились утруждать начальство просьбами о помощи. Правительство не ограничилось тем, что отняло у земства заведывание продовольственным делом, запретило частным лицам устраивать, без разрешения полиции, столовые, предписало уменьшать впятеро действительные размеры нужды, — оно еще объявляет крестьян неполноправными и приказывает расправляться с ними без суда. К постоянной каторге вечно голодной жизни и непосильного труда присоединяется теперь угроза каторгой казенных работ.

Таковы мероприятия правительства по отношению к крестьянам. Что касается рабочих, то расправа с ними всего ярче характеризуется напечатанным в предыдущем номере нашей газеты «Обвинительным актом» по делу о майских волнениях на Обуховском заводе. «Искра» писала уже о самом событии в июньском и июльском номерах. О суде наша легальная печать молчала, памятуя очевидно, как даже благонамереннейшее «Новое Время» «пострадало» за попытку писать на эти темы. В газеты попала пара строк о том, что суд был в конце сентября,

да затем в одной из южных газет случайно был сообщен приговор: двоим — каторжные работы, восемь оправдано, остальным — тюрьма и исправительные арестантские отделения на сроки от двух до 3¹/₂ лет.

Итак, в статье «Новое побоище» (№ 5 «Искры») мы еще недостаточно оценили мстительность русского правительства. Мы думали, что к военной расправе оно прибегло как к последнему средству борьбы, боясь обратиться к суду. Оказывается, сумели соединить и то и другое: после избияния толпы и убийства трех рабочих выхватили 37 человек из нескольких тысяч и при судили их к драконовским наказаниям.

Как выхватили и как судили, об этом дает некоторое представление обвинительный акт. Во главе зачинщиков поставлены Ан. Ив. Ермаков, Ефр. Степ. Дахин и Ан. Ив. Гаврилов. Обв. акт указывает, что Ермаков имел прокламации на квартире (по словам подручной в казенной винной лавке Михайловой, не вызванной на суд в качестве свидетельницы), что он говорил о борьбе за политическую свободу и ходил 22 апреля на Невский, захватив красный флаг. Далее подчеркивается, что и Гаврилов имел и раздавал прокламации, призывавшие на демонстрацию 22 апреля. Про обвиняемую Яковлеву тоже говорится, что она участвовала в каких-то тайных собраниях. Несомненно, таким образом, что прокурор постарался выставить зачинщиками именно людей, в которых сыскная полиция подозревала политических деятелей. Политический характер дела виден также и из того, что толпа кричала: «нам нужна свобода!», виден и из связи с первым мая. В скобках сказано, расчет 26 человек за «прогул» первого мая и зажег весь пожар, но прокурор, разумеется, ни словечка не проронил о незаконности такого расчета!

Дело ясное. Для суда выхватили тех, в ком подозревали политических врагов. Сыскная полиция представила

О ТАКТИКЕ ВООБЩЕ, О ТАКТИКЕ НИКОЛАЕВСКОГО ГЕНЕРАЛА РЕАДА В ЧАСТНОСТИ И О ТАКТИКЕ Б. КРИЧЕВСКОГО В ОСОБЕННОСТИ.

Слово тактика заимствовано политическими деятелями от теоретиков военного искусства. Военное искусство состоит, как известно, в приспособлении средств, которыми располагает полководец, к цели, которую он преследует. Что касается тактики в собственном смысле этого слова, то под нею понимают искусство располагать войска для битвы и руководить ими во время самой битвы. Это понятие значительно уже того, которое связывается со словом тактика в политике. Политические деятели часто называют тактикой то, что теоретик военного дела назвал бы стратегией. Но как бы там ни было, всякий без труда согласится, что иное дело цель, преследуемая политической партией или военным начальником, а иное дело приспособление к этой цели средств, находящихся в распоряжении этой партии или иного полководца. Ясное представление о цели еще вовсе не ручается за умелое пользование средствами. И кто, отправляясь на войну, воображает, что ему достаточно знать, зачем она ведется, тот рискует испытать тяжелые поражения.

Сознание этой аксиомы выражается в социалистической литературе различением между принципами

партии и ее тактикой. Люди, согласные между собой в принципах, могут разойтись по тому или другому тактическому вопросу. Это ясно само собою. Спрашивается поэтому: можно ли относить тактические разногласия к числу таких разногласий, наличие которых лишает данных политических деятелей возможности принадлежать к одной и той же политической партии?

При невнимательном отношении к предмету кажется, что на этот вопрос нельзя ответить иначе, как отрицательно. Тактические вопросы не должны вести к разрыву; если люди согласны между собою в принципах, если они стремятся к одной общей цели, то они — товарищи и должны оставаться таковыми; им грешно разрывать из-за второстепенных частных...

Так говорят обыкновенно дилетанты социализма. Но они говорят так единственно потому, что в своем качестве дилетантов они невнимательно относятся к предмету. Им представляется, что тактические вопросы отделены от принципиальных непроходимую пропастью. На самом же деле такой пропасти не существует, и вот почему тактические разногласия, перейдя известный предел, превращаются в разногласия принципиальные.

За доказательствами ходить недалеко; достаточно обратиться к Франции. Жорес уверял и уверяет, что он только в вопросах тактики расходится с Гедом, Вальяном и другими сторонниками революционной социал-демо-

списки. А полицейские, разумеется, «удостоверили», что эти лица были в толпе и бросали камни и выделялись среди других.

Судом прикрыли вторичный (после побоища) акт политической мести. И подло прикрыли: о политике упомянули для отягощения вины, но политической обстановки всего происшествия раз'яснить не позволили. Судили как уголовных по 263 ст. Улож., т. е. за «явное против властей, правительством установленных, восстание», и притом восстание, учиненное людьми вооруженными (?). Обвинение было подтасовано: полиция приказала судьям разбирать лишь одну сторону дела.

Заметим, что по 263 — 5 ст. Уложения можно закатать на каторгу за всякую манифестацию: «явное восстание с намерением не допустить исполнения предписанных правительством распоряжений и мер», хотя бы «восставшие» не были вооружены и даже не производили явных насильственных действий! Русские законы щедры на каторгу! И нам пора позаботиться о том, чтобы каждый такой процесс был превращаем в политический процесс самыми обвиняемыми, чтобы правительство не смело свою политическую месть прикрывать комедией уголовного процесса!

А какой «прогресс» в самом судопроизводстве, по сравнению, напр., с 1885 г.! Тогда морозовских ткачей судили присяжные¹, в газетах были полные отчеты, на суде свидетели из рабочих вскрыли все безобразия фабриканта. А теперь — суд чиновников с безгласными сословными представителями, закрытые двери суда, немое молчание печати, подтасованные свидетели: заводское начальство, заводские сторожа, полицейские, бывшие народ, солдаты, стрелявшие в рабочих. Какая гнусная комедия!

Сопоставьте этот «прогресс» расправы с рабочими в 1885 и 1901 гг. с «прогрессом» борьбы против голо-

кратии. И в известном смысле он, пожалуй, прав. Если под принципами понимать общие положения социализма, — напр., то положение, что капиталисты эксплуатируют рабочих; что эксплуатация должна быть устранена; что для ее устранения необходима социализация средств производства и т. п., — то можно почти с уверенностью сказать, что Жорес искренно разделяет эти принципы. И тем не менее всякий видит теперь, что Геду и Вальяну невозможно идти вместе с Жоресом. Тактические разногласия, существующие между этими старыми борцами и красноречивым другом его превосходительства барона фон-Мильерана*, несомненно достигли теперь таких размеров, что стали принципиальными.

Дело в том, что кроме тех принципов, которые, подобно вышеперечисленным, представляют собою формулировку и обоснование конечной цели социализма, существуют еще те принципы, на которые опирается тактика борьбы за эту цель. Люди, несогласные между собой в этих последних, не могут идти вместе, как бы ни было велико их единомыслие в том, что касается общих положений социализма. Для примера укажем хоть на тех социалистов-утопистов, которые смотрели на классовую борьбу как на величайшее зло и утверждали, что полное

* Известно, что Мильеран недавно возведен в баронское достоинство австрийским императором.

дающих в 1891 и 1901 гг., — и вы получите некоторое представление о том, как быстро растет и вглубь и ширию возмущение в народе и в обществе, как яростно начинает метаться правительство, «подтягивая» и частных благодетелей и крестьян, устрашая рабочих каторжными приговорами. Нет, каторга не устроит рабочих, вожаки которых не боялись умирать в прямой уличной схватке с царскими опричниками. Память об убитых и замученных в тюрьмах героях-товарищах удесятит силы новых борцов и привлечет к ним на помощь тысячи помощников, которые, как 18-летняя Марфа Яковлева, скажут открыто: «Мы стоим за братьев!» Правительство намерено, кроме полицейской и военной расправы с манифестантами, судить их еще за восстание; — мы ответим на это сплочением всех революционных сил, привлечением на свою сторону всех угнетенных царским произволом и систематической подготовкой общенародного восстания!

[Н. Ленин]

ЕЩЕ О ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВРАТЕ НАШИХ ДНЕЙ.

В редакцию поступило письмо от незнакомого нам товарища, озаглавленное «О зубатовщине». Недостаток места не позволяет нам, к сожалению, поместить письмо целиком, и мы ограничимся подробными выдержками из него. Надеемся, что автор ничего не будет иметь против.

По вопросу о провокаторских приемах Зубатова в письме сообщаются следующие интересные факты, за достоверность которых автор ручается. «„Зачем вам, господа, перестукиваться? — обратился недавно Зубатов к сидящим в одной из московских тюрем рабочему Z и девице Y. — Ведь я же могу разрешить вам видаться, сде-

прекращение этой борьбы есть первое практическое условие освобождения пролетариата. Социал-демократы не могли бы считать таких социалистов своими товарищами даже и в том случае, если бы они совсем не разошлись с ними в определении конечной цели. Выше мы сказали, что ясное представление о цели еще вовсе не ручается за умелое пользование средствами ее достижения. Теперь мы прибавим, что именно поэтому единомыслие по вопросу о конечной цели не может считаться условием, достаточным для объединения практических борцов под знаменем одной партии.

Правда, Жорес и его единомышленники объявляют себя такими же убежденными и решительными сторонниками классовой борьбы, как гедисты или бланкисты. Но их пример лучше всякого другого показывает, что не всякий - то, кто признает известный принцип, руководствуется им в своей практической деятельности.

Классовая борьба пролетариата с буржуазией предполагает развитие классового самосознания рабочих. Поэтому нельзя считать истинными сторонниками классовой борьбы таких людей, которые навязывают рабочей партии тактику, не только не развивающую это самосознание, но прямо затемняющую его. При этом почти все равно, почему именно эти люди придерживаются такой вредной тактики: потому ли, что они обманываются сами, или же потому, что им хочется обмануть других. Главное дело в том,

лайте одолжение". И „господа“ соглашаются на любезное предложение любезного генерал-провокатора... А Зубатов продолжает любезничать. Тому же рабочему Z он позволяет выходить за пределы тюрьмы и даже быть на собрании пресловутого московского общества взаимопомощи машиностроительных рабочих. Далее. Когда выпускают соседку Z — г-жу Y, он милостиво разрешает ей еще раз на прощание повидаться с Z. Приходит очередь выпускать последнего. Выпускают. Любезный генерал-provokator шлет девице Y телеграмму: такой-то выпущен, можете приехать повидаться. Естественно — приехала. Нужно прожить в Москве несколько дней. Паспорта нет. К Зубатову! „О, не беспокойтесь, — галантно уверяет г. Зубатов, — живите и без вида. Чуть тронут, — ко мне“... Пожила девица, повидалась с Z, и раз'ехались».

Совершенно верный вывод делает автор письма относительно значения таких, повидимому, мелких фактов. «Зубатов хочет сменить нетерпимость революционеров к рыцарям застенка — добродушием, вражду — амикошонскими отношениями, на почве этого добродушия и амикошонства он будет вселять доверие к себе в рядах нелегальных деятелей с тряпичной душой, а там — там недалеко будет и до бессознательного предательства по доверию».

«В рассказанных фактах, — продолжает автор, — есть одна любопытная черта: Зубатов пускал Z из тюрьмы на собрания о-ва взаимопомощи рабочих. Делал он это тоже не спроста. Он распинался перед Z за преимущество мирной самодеятельности рабочих перед революционной борьбой и пустил его на собрание, чтобы воочию убедить в прелестях этой самодеятельности и в той „свободе“, которая ей предоставляется правительством... Зубатов хочет сбить рабочего с пути революционной борьбы на путь развития мирной самодеятельности; революцио-

что они в своей практической политике стремятся повернуть назад движение пролетариата. С такими людьми — а жоресисты несомненно принадлежат к их числу — революционная социал-демократия не может иметь ничего общего.

Для того, чтобы две социалистические группы (или организации, или фракции, или партии) могли объединиться с пользой для дела, необходимо, стало-быть, — кроме единодушия по отношению к конечной цели, — чтобы ни одна из них не придерживалась такой тактики, которая могла бы показаться другой группе (или организации или и т. д.) вредной для развития классового самосознания рабочих. Это предел, который не может и не должен быть перейден. Как только тактические разногласия между двумя группами перешли за него, они приобретают принципиальное значение, и тогда разрыв становится неизбежным: препятствовать ему значит вредить делу.

Так представляется нам этот вопрос с нашей точки зрения. Но мы не должны забывать, что нашу точку зрения вряд ли можно назвать правильной. Известно, что мы — сектанты, зараженные «догматизмом», ослепленные фанатизмом и грешащие еще целой дюжиной таких же смертных грехов. В виду этого нам полезно будет выслушать человека, имеющего полное право благодарить творца за то, что тот не создал его по образу и подобию нашему. Этот человек — Б. Кричевский.

нера он стремится превратить в сторонника потребилок и касс взаимопомощи, в противника политической борьбы. Впрочем, он готов помириться и на меньшем. Пусть революционер останется при сознании необходимости даже борьбы рабочих за улучшение своей доли, но только борьбы не политической! Известная история с „Зубатовской партией“ в Западном крае показывает, насколько успешно может действовать в этом направлении Зубатов».

О московском обществе взаимопомощи автор сообщает следующие сведения:

«Зародилась у московских машиностроительных рабочих мысль обратить на путь спасения своих собратьев от зол капитализма вспомогательной кассой. Кто натолкнул их на эту мысль — бог весть, но можно думать, что исходила она от Охранного Отделения, а в нем — из кабинета г. Зубатова, и через агентов его была пущена в оборот среди рабочих, которые и откликнулись на нее. Мысль эта росла и ширилась, и, наконец, вынырнула на свет божий. Несколько рабочих, ничего общего с г. Зубатовым не имеющих, взяли на себя инициативу, подобрали товарищей, и мысль о вспомогательной кассе машиностроительных рабочих начала приводиться в исполнение. Для обсуждения устава, для пропаганды этой мысли необходимы были, конечно, открытые собрания. И что же? В то самое время, когда реакция после мартовской бойни не знала никакого удержания, когда на Руси душили всякое проявление мысли и самодеятельности, когда разговаривали и сажали по тюрьмам даже мирных литераторов и закрывали даже самые невинные общества, вроде общества доставления книг больным (в Спб.: председателем был известный профессор Лесгафт, теперь высланный из столицы), в такое темное и дикое время разгула царских опричников московским рабочим милостиво разрешается открыто собираться для обсуждения вопросов, касающихся

В № 10 «Рабочего Дела» он поместил статью: «Принципы, тактика и борьба», в которой он выясняет свои разногласия с «Зарей» и «Искрой». В деле этого выяснения первое место отведено им вопросу о том, — «каково правильное и нормальное отношение между принципами и тактикой и что собственно нужно понимать под тактикой» (курсив Б. Кричевского). Это как раз то, что нам нужно. Послушаем же Кричевского.

«Правильная тактика, — говорит он, — есть результат взаимодействия между принципами, указывающими цель движения, и конкретными условиями, в которых происходит движение» («Раб. Дело», № 10, стр. 5. Курсив Кричевского).

Дав нам это определение, Кричевский прибавляет, что под тактикой он разумеет здесь «общий, руководящий дух деятельности, ее философию, так сказать, в отличие от самой деятельности, от тактики в смысле общего характера практической деятельности, а тем более от тактики, как техники, от отдельных приемов и средств деятельности».

Мы имеем, значит, три вида тактики: 1) тактика-философия, 2) тактика-деятельность; 3) тактика-техника. Оставляя без рассмотрения «технику», мы хотим поближе приглядеться к первым двум видам тактики.

как кассы, так и вообще рабочего быта!! Делается это с одобрения и по ходатайству московских властей и, разумеется, прежде всего по рекомендации г. Зубатова. Столь необычайная вещь и заставляет меня держаться только-что высказанного предположения, что московская касса взаимопомощи — дело не только самих рабочих и гг. профессоров, но и... агентов Охранного Отделения. Это тем более вероятно, что г. Зубатов сам усиленно пропагандирует идею вспомогательных касс, усиленно рекомендует при этом рабочим, с которыми его сталкивает судьба, книги гг. Прокоповича, Бернштейна, Геркнера²...

«И вот в результате в России, в Москве, под руководством людей науки — Дэна, Озерова и Вормса — происходят открытые собрания, и на них дебатировались вопросы о различных нуждах рабочего класса! О чем только не говорят там! И о потребительных обществах, и о кассах взаимопомощи, и о читальнях-библиотеках для рабочих, и об униженных для человеческого достоинства рабочего обычаях при уходе с работы, и о различных условиях труда на заводах и т. д. и т. д. — ни слова, разумеется, только об одном — о политике. Говорят и гг. доценты, и мастеровые и — в этом едва ли можно сомневаться в виду горячего сочувствия со стороны г. Зубатова — агенты от Охранного Отделения. Картина умиленная и достойная быть отмеченной летописцем русского рабочего движения!

«Дело, разумеется, будет двигаться. Идея мощи вспомогательных касс и потребительных обществ будет, при ближайшем участии Охранного Отделения, широко распространена, касса начнет существовать и, быть может, развиваться, хотя, конечно, о последнем можно спорить, имея в виду неуспех подобных предприятий в Харькове. Но все это мы увидим в будущем, а теперь меня интересует другой вопрос: зачем понадобилось г. Зубатову, этому верному, подлому и умному слуге

русского политического режима такое покровительство, такое близкое участие в деле искоренения зла капитализма вспомогательными кассами и потребилками? Нам думается, что разрешение этого вопроса коренится в следующем: г. Зубатов гораздо вернее, чем многие из наших „экономистов“, понял значение для России настоящего момента подобных средств борьбы с капитализмом. Он понял, что шум и гром, с которым осуществляется дело взаимопомощи, отвлечет от нелегального движения не мало интеллигентных рабочих, ищущих какого-нибудь приложения своих сил и еще не нашедших его в революционной борьбе; он понял, что правительственное покровительство организации таких мирных учреждений обманет многих и многих рабочих, уверит их, будто правительство всегда готово отечески заботиться об их интересах; понял, наконец, что люди, положившие свои силы и деньги в эти мирные учреждения, будут дорожить ими, будут каждую минуту дрожать за их существование, станут поэтому избегать всяких резких столкновений с правительством, проводить миролюбивую политику и отвлекать товарищей от политики революционной. Он понял, словом, что мирные учреждения, вроде вспомогательных касс, прекрасное средство борьбы с нарастающим революционным настроением масс; понял, что ими, если они разовьются и окрепнут, можно задержать близкую, неминуемую гибель царского правительства. И вот он хлопочет об этих учреждениях, он пропагандирует их, пропагандируя, вместе с тем, трогательную дружбу, трогательное амикошонство царского правительства с рабочей массой. Не ясно ли, что он действительно далеко не дурак, что его политика как нельзя более на руку правительству, и что правительство ухватилось за нее обеими руками, что оно будет теперь всеми силами стараться внести мир и спокойствие в рабочие массы заботами о развитии их мирной самостоятельности? Не ясно ли

Начнем с «тактики-философии». По смыслу определения, данного Кричевским, выходит, что философия деятельности (партии), ее руководящий дух, есть результат взаимодействия между принципами, указывающими цель движения, и конкретными условиями, в которых происходит движение. А так как принципы, указывающие цель движения, с полным правом могут быть названы руководящими принципами, и так как эти принципы, очевидно, руководят не чем иным, как деятельностью партии и потому составляют ее руководящий дух, то мы получаем следующий глубокомысленный тезис.

Руководящий дух деятельности (партии), философия этой деятельности, есть результат взаимодействия между руководящим духом деятельности и теми конкретными условиями, в которых эта деятельность совершается.

Что есть А? А есть результат взаимодействия между А и В. Не знаем, как вы, читатель, а мы не охотники до такой «философии», и мы думаем, что Б. Кричевский сделал бы гораздо лучше, если бы, не пускаясь в «философию», просто выразил бы ту простую мысль, которую ему хочется выразить, т. е. сказал бы, что деятельность социалистической партии должна определяться не только общими положениями социализма, но также и данными условиями окружающей действительности. Такой способ выражения имел бы то неоспоримое преимущество, что он был бы совершенно чужд «элемента»... «фило-

софской» галиматъи. Правда, он имел бы и крупный недостаток, а именно — он привел бы к тому, что «тактика-деятельность» совершенно слилась бы с «тактикой-философией», и тогда у нас было бы только два вида тактики. Но Б. Кричевский мог бы помириться с этим неудобством, утешаясь тем, что у него имеется в запасе еще два вида тактики: тактика-план и тактика-процесс.

«Тактика-план, — сообщает наш автор, — естественно может основываться только на принципах да еще на самых общих условиях деятельности, напр., в России на существование самодержавия». Поэтому она неудобна и в последнем счете ведет к вредным шатаниям. По уверению Б. Кричевского, Либкнехт метко характеризовал тактику-план, сравнив ее с теми планами, которые когда-то составлялись венским обер-кригсратом для австрийских генералов, воевавших с французами: «Планы в своем роде были безупречны, — говорит Либкнехт, — но не годились для данной местности, а французские генералы не были настолько любезны, чтобы сообразоваться с предложениями венского обер-кригсрата, и сражения были потеряны по всем правилам искусства».

На основании всего этого Б. Кричевский самым решительным образом осуждает «тактику-план». «Вообще, — заявляет он, — „Искра“ и „Заря“ видимо тяготеют к взгляду на тактику, как на заранее установленный и не-

также, что русская социал-демократия не может пойти рука об руку с Охранным Отделением, не может способствовать развитию этой самостоятельности, так горячо рекомендуемой г. Зубатовым? „Экономисты“ (правда, не все) говорили нам, что „вспомогательные кассы и проч. нужны даже будущему (как известно, политическая борьба массы считалась ими делом неопределенного будущего) политическому движению рабочих масс, потому что они-де развивают солидарность, способность самостоятельности и привязанность к свободным учреждениям, сознание необходимости их вообще. Г. Зубатов думает иначе. И он прав! Движению, которому прежде всего нужно снести со своего пути политические преграды, революционному политическому движению нужна солидарность борцов за свободу, а не мирных штопателей дырявых штанов, ему нужна самостоятельность опытных конспиративных деятелей и сознающей свои политические интересы рабочей армии, а не самостоятельность мирно настроенного стада овец под опекой Охранного Отделения, ему нужна любовь к свободным учреждениям с враждой к царскому правительству, с готовностью бороться за свободу на жизнь и смерть, а не с готовностью гнуть шею перед этим правительством, с рабьей трусостью. Г. Зубатов понял то, чего не могли понять искренние доброжелатели рабочих, и он стремится потушить разгорающееся революционное пламя как раз теми средствами, какими, между прочим, думали потихоньку да полегоньку раздуть его гг. „экономисты“...

«Что же делать русским социал-демократам, как откликнуться им на всю эту „зубатовскую политику“ во всей ее совокупности, от заигрывания с отдельными лицами до заигрывания со всей рабочей массой? Остается одно: встречать эту политику резким словом ненависти, строго осуждать всякое амикошонство с русским правительством и его отдельными агентами и горячим призывом к рево-

люционной борьбе парализовать усилия интеллигентов и рабочих, насаждающих в России овечью самостоятельность. Экс-экономист».

В дополнение к этому сообщению приведем еще два следующие известия, доставленные нам из другого источника:

«В московском „обществе“ председательствует рабочий Михаил Афанасьев. Начал он пропагандировать в 1894 г., в 1896 г. был в московском „Союзе“, привлекался к следствию, привлекался также в 1899 г., но все оставался в Москве. Провокатором его не считают, но это человек, вполне подпавший влиянию зубатовской политики. Теперь он везде заявляет открыто, что его знамя — „легальность“, „нелегальность погубит русское движение“. На одно из собраний попал с разрешения руководителя (проф. Озерова) один из „интересующихся“. Дня через три Озеров получает письмо с указанием, что на собрании был такой-то. Известно-де, что он социал-демократ и может погубить столь хорошее дело. В конце донос, что он раздавал листки.

«В числе непременных пунктов устава Трепов потребовал присутствия полицейского чиновника. В качестве такового присутствует помощник Зубатова — Сазонов. Он говорит пламенные речи о нуждах рабочих, амикошонствует с рабочими, обещает уладить все затруднения с утверждением устава (в настоящее время — по газетам — устав уже утвержден. Редакция). Рабочим льстит, что о них печатают в газетах, жмут им руки и очень дружески с ними обходятся. Во многих ремесленных цехах и отраслях фабричного производства идут толки об устройстве таких же обществ. Многие из членов-рабочих бывают очень часто у Зубатова и Сазонова и при этом скрывают друг от друга свои посещения.

«Не так давно Зубатов предлагал одному заключенному рабочему свободу, если он будет в других городах,

изменный план деятельности. Мы же видим в тактике процесс роста партийных задач, растущих вместе с партией» (стр. 11).

Процесс роста задач, растущих вместе с партией! О каких задачах говорит здесь Б. Кричевский? Очевидно, о тактических. Выходит, стало-быть, что, по его мнению, тактика есть процесс роста тактических задач, растущих вместе с партией. Тактика состоит в том, что растут тактические задачи. Это, поистине, бесподобно! Нехитрому уму не выдумать и в век!

Наш тактик, которому, кажется, не суждено расти вместе с партией, совершенно напрасно прячется за спину Либкнехта. Чтобы иметь право на такую «тактику», он должен был бы сначала показать, что покойный вождь немецких социал-демократов был близок к нему по своим практическим взглядам. Но в этом трудно было бы убедить нас, хорошо помнящих, как возмущали Либкнехта некоторые суждения о тактике французских социалистов, высказанные Б. Кричевским в немецкой печати. Поэтому мы оставляем в покое Либкнехта и обращаемся к нашему автору.

Слова Либкнехта ввели его в глубокое заблуждение, он вообразил, что французские генералы, сражавшиеся с австрийскими, пренебрегали планами и, подобно ему, ограничивались тем глубокомысленным соображе-

нием, что тактика есть процесс роста тактических задач, растущих вместе с ходом кампании. Но пусть Кричевский заглянет, напр., в знаменитые «Commentaires» Наполеона I: он увидит из них, как внимательно обдумывал и как заботливо составлял свои стратегические и тактические планы тот французский полководец, который нанес Австрии (да и не одной Австрии) самые жестокие поражения. Наполеон не только не чуждался «тактики - плана», но утверждал, что в хорошо составленном плане должны быть наперед приняты меры против всевозможных случайностей*. И если бы какой-нибудь глубокомысленный Кричевский того времени вздумал уверять его, что «план» — пустяки, а главный залог успеха заключается в том, что тактика есть процесс роста тактических задач, растущих и т. д., то деспотический корсиканец, наверное, скоро оборвал бы его с обычной своей солдатской бесцеремонностью.

Из всех героев военной истории мы знаем только одного, отчасти подходящего к идеалу Б. Кричевского. Это николаевский генерал Реад, тот самый Реад, о котором говорит Липранди в известной песне, приписываемой г. Л. Толстому:

* Просим Б. Кричевского заметить, что Наполеон заранее составлял не только тактические, но и стратегические планы, т. е. не только планы отдельных битв, но и планы целых кампаний.

пользуясь своим влиянием, пропагандировать легальные союзы.

«Цех кондитеров и пекарей находится в раздумьи, по легальной или нелегальной дороге им идти. Кондитеры, народ более развитой, отправили делегата к одному господину за советом. Пекаря стоят больше за легальный союз с печатанием в газетах отчетов и проч.»

Недавно появилось в печати известие об открытии в Николаеве общества наподобие московского. А назначенный в Саратовскую губернию новый губернатор Энгельгардт заявил в Царицыне, что, если рабочие захотят устроить клуб, то он поддержит ходатайство.

В Минске на 5-м собрании столяров, состоявшемся с разрешения жандармского полковника, выбрана постоянная комиссия для наблюдения за исполнением мастерами закона о 12-часовом рабочем дне. В случае замеченных нарушений комиссия обращается к полиции за составлением протокола. Лет пять назад в Минске те же еврейские столяры выбирали тайные комиссии для наблюдения за тем, чтобы работа не длилась более 6 час. вечера. Против нарушавших порядок мастеров столяры действовали иногда очень энергичными мерами — даже побоями. Правда, в то время рабочих не приглашали собираться вместе с жандармами «для обсуждения нужд своего ремесла», как говорится в пригласительных билетах, печатаемых ныне с разрешения и за подписью полицмейстера...

Когда-то «Раб. Мысль» уверяла, что рабочие должны и могут провести (при самодержавии) своих представителей в Департамент Торговли. Как видит читатель, департамент, в который нынче приглашают рабочих отстаивать свои нужды, есть департамент государственной полиции... Кто мечтает о «легализации рабочего движения», должен понять, что при самодержавии такая «легализация» возможна только под крылышком Зубатова.

[Л. Мартов]

Туда умного не надо
Вы пошлите-ка Реада,
А я посмотрю...

Реад, как видно, совершенно пренебрегал „тактикой-планом“:

А Реад возьми да спросту
Поведи нас прямо к мосту,
Ну - ка, на ура!
Вот ура мы зашумели,
Да резервы не поспели... и т. д.

Словом, не захотела победа улыбнуться простодушному сыну Марса. Если бы Б. Кричевский вспомнил его печальную историю, то он, может быть, не написал бы знаменитого отныне «Исторического поворота», который представляет собою настоящее реадовское «ну-ка, на ура!».

Почему Б. Кричевский вообразил, что «тактика-план» может основываться только на принципах да на самых общих условиях действительности? Это покрыто мраком неизвестности. Мы решительно не понимаем, в силу каких причин русские социал-демократы, при составлении плана действий должны принимать в соображение только «существование самодержавия», а не соотношение русских общественных сил; степень развития русского пролетариата; свою собственную организованность (или дезорганизованность) и, наконец, величину

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

БРОЖЕНИЕ В СТУДЕНЧЕСТВЕ.

Немного более полугодом прошло со времени назначения «сердечного генерала», а благодушие россиян уже, кажется, совершенно отрезвилось от чада надежд, возбужденных пресловутым царским рескриптом. Изменили гимназическую программу, поговорили о реформе университетского устава, а все прочее решили оставить по-старому. Под сурдинку «благонамеренных речей» правительство стало понемногу вводить «реформы», отдающие блаженной памяти николаевщиной.

Сознание того, что общество и студенты еще раз обмануты, начало проникать в студенческую среду. Помеченная 19 июля прокламация «группы студентов — членов землячеств» — в Спб. призвала товарищей к возобновлению борьбы с реакцией. Приведем следующее место из этой прокламации:

«Прошло четыре месяца. Допустим, что после резкой критики и беспощадного осуждения, высказанного лучшими профессорами, старый устав не долго будет жить. Но какова будет эта реформа? Вознаградит ли она нас за годы борьбы и сотни жертв? После небольшого антракта слова „разума, сердечности и любви“ были забыты, и вновь подтверждено прикрепление к университетам*, провинции попрежнему полны уволенными студентами, и вместо обратного приглашения в университет они получают годы полицейского надзора; даже вопиющее беззаконие отдачи в солдаты исправлено лишь наполовину, и еще до сих пор многие продолжают нести тяжесть военной службы. В последние дни издан новый циркуляр, по которому евреи вовсе не принимаются в некоторые специальные учебные заведения; вместе с тем в газетах стали циркулировать упорные слухи об ограничении приема евреев в средние и высшие учебные заведения двухпроцентной нормой. Далекие от сердечности и любви, эти новые ограничения

* Имеется в виду обязательство для студентов вступать в определенный университет — по месту окончания гимназии.

«свободной наличности», находящейся в их кассе. По нашему скромному рассуждению выходит, что все эти вполне «конкретные» условия гораздо более способен упустить из виду тот человек, который, начитавшись Б. Кричевского, пренебрегает «планами» и твердит, что «тактика есть процесс роста задач, растущих» и проч. и проч. Мы убеждены — и пример Кричевского еще более укрепляет наше убеждение — в том, что, если кто осужден на непрерывные «шатания», то именно мудрецы этого калибра.

Б. Кричевский уверяет, что «Заря» и «Искра» склоняются к неизменному плану действий. Он хочет подтвердить это ссылкой на передовую статью в № 4 «Искры», где сказано, что названия тактики заслуживает только систематический и неуклонно проводимый план деятельности. Но неуклонное проведение принятого плана вовсе не означает решения никогда не изменять его. И это прекрасно видно из цитируемой Б. Кричевским статьи. Ее автор прямо говорит, что тактика может быть изменена, но он не без ехидства прибавляет при этом, что изменить тактику может только тот, кто ее имеет, и что нельзя говорить о тактике партии, лишенной крепкой организации, а след. и единства действий. И эти соображения сопровождаются у него насмешкой над Б. Кричевским, обнаружившим легкомысленную готовность к скоропалитель-

требуют особенно дружного отпора со стороны студентов и всего общества. Проводя их как раз в то время, когда под давлением общественного мнения, студенческих и народных волнений, правительство сулит реформы школьного дела, оно как бы идет навстречу требованиям самого общества, ставя эти ограничения во главе своих „реформ“. Таким образом гнусная мера правительства как бы санкционируется желаниями самого народа. В равнодушии его к сеянной правительством национальной вражды и преследованию, оно черпает свою силу и потому легкой рукой сыплет ограничение гражданских прав евреев за ограничениями. Мы обязаны в данном случае заглядывать свою исконную несправедливость по отношению к угнетаемой национальности, выражающуюся в том, что мы молчали, когда нужно было протестовать; мы должны громко заявить правительству, что в этих своих преследованиях оно, как и всегда, действует наперекор желаниям лучших представителей русского народа, и откровенно указать еврейской и другим национальностям, что, борясь за „разумное, доброе, вечное“, мы боремся вместе с этим рука об руку с ними и за их гражданские права».

Заканчивается прокламация приглашением требовать возвращения в университеты всех уволенных за беспорядки и отданных в солдаты товарищей, предоставления свободного доступа в университеты и другие учебные заведения всем, без различия национальности, религии и пола, отмены всяких стеснений в выборе университета и предоставления земствам и городским думах свободного обсуждения школьного дела.

В Харькове с начала учебного года в университете и ветеринарном институте изданы прокламации, говорящие о совершенном «с высоты престола наглом обмане русского общества и студентов» и о предстоящем возобновлении недавно прерванной борьбы. Вместе с тем среди харьковских же студентов циркулируют воззвания о поддержке бастовавших в Харькове портных. Очевидно, прошлогоднее участие рабочих в студенческом движении привлекло внимание и сочувствие студентов к борьбе рабочих.

Как и всегда, киевский студенческий «Союзный Совет» в своей прокламации проявляет наибольшую политическую революционность. Призывая к слиянию борьбы студенческой с общеполитической, Союзный Совет заявляет: «студенчество слишком хорошо помнит весь ход только

что окончившегося движения, помнит, чем было вызвано у правительства обещание уступок и чем, следовательно, можно добиться их осуществления. Это — борьба жестокая, самоотверженная борьба, но борьба, вооруженная опытом прошлых движений, освященных их жертвами. Опыт же прошлого движения нам говорит, что студенческое движение дает только тогда результат, когда оно становится общественным, когда к нему примыкают все оппозиционные элементы общества».

11 октября в киевском университете произошла сходка 800 студентов. Обсуждались требования о возвращении сданных в солдаты студентов и отмене ограничения приема евреев.

Около этого времени в Спб. возбужденное настроение студентов было подогрето наглой статьей кн. Мещерского в «Гражданине», который (не в первый уже раз) распространился о «безнравственности» русских студенток. Грязные клеветы грязного князя, конечно, не могут никого оскорбить. Но студенты справедливо увидели в выходке кн. Мещерского один из эпизодов той кампании, которая ведется печатью его лагеря против освободительных стремлений общества и студентов. В университете произошла бурная сходка, на которой ректор упрашивал студентов отказаться от намерения демонстрировать перед ред. «Гражданина», дабы не затруднять беспокойным поведением «дела реформы». Жалкое лицемерие! *. Кого оно теперь обманет? Студенты убедились уже, что только тогда, когда они своими «волнениями» начинают «мешать» своим начальникам вырабатывать новые «препоны», тогда только им удается получить хоть какую-нибудь уступку.

Можно ожидать, что под тем или иным знаменем студенческое движение опять примет широкие размеры. Комитетам нашей партии и всем революционным группам следует теперь же начать готовиться к тому, чтобы события вроде прошлогодних не застали нас врасплох.

Киев. Борьба в тюрьме. Числа 15 августа товарищ Берлин, просидевший в тюрьме уже около двух лет по делу 1899 г. о типографии газеты «Вперед»³, успе-

* Газета «Россия» — к стыду ее надо отметить — поддерживала это лицемерие холопскими статьями г. Дорошевича.

ным изменениям тактики «в 24 часа» и пытавшегося прикрыть свое ребяческое легкомыслие авторитетом Либкнехта. «Имя Либкнехта,—заметил автор указанной статьи,—„Раб. Дело“, конечно, приемлет все. В 24 часа можно изменить тактику агитации по какому-нибудь специальному вопросу... а изменить не только в 24 часа, но хотя бы даже в 24 месяца свои взгляды на то, нужна ли вообще, всегда и безусловно боевая организация и политическая агитация в массе, могут только люди без всяких устоев». Это замечание попало не в бровь, а в глаз Кричевскому, который, увидев свой смешной промах, пустился в «неудобь-сказаемые» рассуждения о тактике, чтобы хоть как-нибудь скрыть от читающей публики затруднительность своего положения.

«Тактика-процесс,—продолжает тактик «Раб. Дела»,—это есть вечное искание новых путей в свете принципов,—искание, сопряженное, как всякое человеческое искание, с заблуждениями, но единственно гарантирующее поступательный рост движения. Давно известно, что не ошибается тот, кто ничего не делает».

Друг мой, Аркадий Николаевич, пожалуйста не говори красиво! Вечное искание новых путей, да еще при свете принципов, разумеется, хорошее дело. Но оно хорошо только тогда, когда «ищущий» находит что-нибудь действительно новое. А когда оно открывает

«вечно» такие Америки, которые давно открыты, но в существовании которых он, по своему крайнему неразумию, сомневался, то его «вечное искание» означает лишь столь же «вечную» неспособность понять то, что ему говорят более опытные люди. И тогда это «вечное искание» не представляет собою ничего, заслуживающего «высокого штиля». Тогда оно должно вызывать не похвалу, а строгое осуждение.

На основании предыдущего читатель уже мог составить себе надлежащее понятие о преимуществе рекомендуемых Б. Кричевским видов тактики. Но для законченности впечатления ему надо прочитать еще следующие строки:

«Революционер-социал-демократ имеет задачей — своей сознательной работой только ускорять об'ективное развитие, а не отменять его или заменять его суб'ективными планами. „Искра“ в теории все это знает. Но огромное значение, справедливо придаваемое марксизмом сознательной революционной работе, увлекает ее на практике, благодаря ее доктринерскому взгляду на тактику, к преуменьшению значения об'ективного или стихийного элемента развития. Мы уже указывали, что тактика-план противоречит основному духу марксизма. Неудивительно поэтому, что „Искра“, склоняясь к тактике-плану, тем самым вынуждена также, помимо своей воли, приближаться к заговорщицкому взгляду на „подгото-

вший и жениться в тюрьме, просил начальника тюрьмы дать ему личное (а не через решетку) свидание с женой. Просьба эта не заключала в себе ничего особенного, неудобовыполнимого, ибо следствие по делу Берлина уже закончено, решение постановлено, оставалось только приложить руку царю, — и Восточная Сибирь готова. Начальник тюрьмы не возражал, но так как в то время в тюрьме было высшее начальство — тюремный инспектор, то он и предложил Берлину обратиться со своей просьбой к инспектору. Инспектор сказал Берлину, что разрешить ему личное свидание — это такая роскошь, какой политические не заслуживают. Они-де и так пользуются разными удобствами. Берлин ответил ему: «Я просил вас, вы не исполняете моей просьбы; так я потребую, и вы исполните!» Разговор происходил в конторе тюрьмы. Берлин через несколько минут удалился в свою камеру, а часа через два его снова вытребовали в контору. Он думал, что будет объяснение по поводу его заявления насчет его требования, но оказалось, что ему предложили место в тюремной карете и отвезли в арестантские роты. Узнав об этом, остальные товарищи сильно возмутились и стали требовать возвращения Берлина, угрожая не принимать пищи. На утро он был возвращен и решил не принимать пищи, пока не удовлетворят его просьбы. Через день или два к Берлину присоединилось два или три товарища, еще через день-два несколько человек, наконец на шестой день никто из политических не принимал пищи, даже и тот, которому товарищи вначале не позволяли вовсе голодать, ибо, по заявлению доктора, голодовка могла бы кончиться для него смертельно. Всех голодавших было 28 человек. По доходившим из тюрьмы сведениям, на девятый день человек 18 было снесено в больницу. Киевский Комитет решил устроить по этому поводу демонстрацию, но рабочие сочли момент неудобным. Тем не менее, до 250 экземпляров прокламаций Комитета было распространено в нескольких промышленных заведениях, и полиция заволновалась. В воскресенье 26 августа на Крещатике был усилен полицейский наряд, в некоторых дворах были скрыты казаки, а в конце Крещатика — на Бессарабке — был поставлен верховой городской. Арестов не было. На одиннадцатый день после начала головки Берлина увезли в Москву, и голодовка прекратилась.

Еврей-капиталисты в борьбе с евреями-рабочими. О том, какой страх нагоняет на еврейскую буржуазию движение еврейских рабочих, можно судить по нижеследующему документу, составляющему перевод с названия, разосланного одним фабрикантом г. Двинска к своим товарищам:

«М. г. У нас в Двинске образовалась шайка стачечников-социалистов, одетых в синие рубахи на выпуск, с красными поясами, в белых фуражках и с ножами в карманах. Они позволяют себе грабить, убивать людей среди бела дня и совершать всевозможные злодеяния. Многие, на глазах которых совершаются эти подвиги социалистов, не решаются вмешиваться из страха подвергнуться той же участи. И, таким образом, они стараются стереть с лица земли или в лучшем случае превратить в нищих большое число фабрикантов, купцов, подрядчиков и даже мелких ремесленников. Они травят и нападают на всех зажиточных людей, как голодная кошка нападает и выслеживает трусливых мышей.

«Для борьбы с подобного рода людьми, не признающими ни бога, ни властей, у которых кровь человеческая ценится ниже воды, нам, купцам и фабрикантам, необходимо прежде всего соединиться. Мы не должны бездействовать и утешаться, говорить: это волнение только дело мальчишек и оно скоро пройдет.

«Нет, дорогие друзья, это не мальчишеское дело. Присмотритесь поближе, и вы увидите, что натворили эти люди в самое короткое время, скольких разорили, скольких просто убили. Сначала это действительно проделывали какие-то скандалисты, лентяи, — мастеровые-красильщики, но они ограничивались самыми ничтожными требованиями. Купцы и хозяева мастерских, которых это тогда несколько не касалось, не обращали внимания на них, а в некоторых случаях даже находили их правыми. Но смотрите, какие размеры приняло это движение теперь. К нему примкнули все рабочие-ремесленники, приказчики и вообще весь простой народ. Теперь требованиям их не видно конца, и со временем они дойдут до того, что капиталисты принуждены будут отдать им все свое состояние, своих жен и детей, а, наконец, и душу, потому что это их конечная цель, как можно заключить из их прокламаций и газет. Кому приходилось читать их бесцензурный журнал „Рабочий Голос“

вление“ революции, т. е. уделять объективному или стихийному процессу второстепенное место и в конечном акте революционного развития».

Очень хорошо. Б. Кричевский «показал» (мы уже знаем, как показал он), что «тактика-план» противоречит основному духу марксизма; поэтому нам остается только обратиться к знаменитой «тактике-процессу» или к не менее знаменитой «тактике-деятельности». А когда мы найдем не бесполезным узнать, в чем же состоит такая тактика, тогда наш философ важно повторит нам, «браду свою уставя», что она состоит в процессе роста тактических задач, растущих вместе с ростом партии. Если же нас не удовлетворит такой ответ, то всем и каждому станет ясно, что мы заражены доктринерским взглядом на тактику. Вот что значит хорошо аргументировать!

Покидая «тактику-план», мы должны будем, кроме того, уделить «объективному процессу» гораздо больше места, чем «субъективным планам», которыми мы увлекались до сих пор. Тогда мы будем настоящими марксистами. Это опять чрезвычайно глубокое соображение. Жаль только, что наш автор не совсем складно излагает свои мысли и что, вследствие этого, у него встречаются некоторые неясности. Попробуем же мы, — по выражению Белинского — внести факел поэзии во тьму вопроса. Нам думается, что тактическая философия

Б. Кричевского хорошо иллюстрируется стихотворением Козьмы Пруткова: «Перед морем житейским»:

Все стою на камне:—
Дай-ка брошусь в море...
Что пошлет судьба мне:
Радость или горе?

* * *

Может, озадачит,
Может, не обидит...
Ведь кузнечик скачет,
А куда, — не видит.

Это стихотворение издавна нравилось нам тем, что в нем отдается должное «стихийному, объективному процессу», а «тактике-плану» не придается ни малейшего значения.

Суб'ективисты à la гг. Кареев и Михайловский думали, что теория Маркса противопоставляет объективный процесс развития общественных отношений субъективным планам людей и осуждает эти планы ad majorem gloriam объективного процесса. На этом основании они упрекали марксистов в проповеди квиетизма. Г-да «суб'ективисты» были уличены в неправильном понимании Маркса. Им показали, что с точки зрения автора «Капитала» указанное противопоставление не имеет смысла, так как субъективные планы людей сами являются выражением объективного развития. После

и вообще всю их литературу, тот не может в этом сомневаться.

«Поэтому, дорогие друзья, мы неотложно должны взяться за лечение этого недуга, как эпидемия, как холера, охватившего весь мир. Мы должны для этого пользоваться всеми средствами, которые они употребляют против нас. Первое средство это — единодушие. Мы, фабриканты, купцы и подрядчики, должны единодушно, соединенными силами, взяться за лечение этой болезни, которое должно выразиться в том, что каждый должен стараться вредить социалистам чем только возможно. Если кому-нибудь представится случай известить хоть одного из бунтовщиков — рабочего или приказчика, кто проведает что-нибудь об их делах и замыслах, тот не должен молчать и не имеет права молчать, а обязан воспользоваться этим случаем и действовать им во вред. В борьбе с ними, победа в которой принесет нам наше спасение, мы не должны знать жалости. Сказано в Писании: убивай намеревающегося тебя убить.

«Это первое средство; второе — деньги.

«Мы должны основать общество и собирать деньги, потому что за деньги можно все купить. Мы должны подкупить всю полицию, чтобы она с большим усердием работала для нас; нужны деньги для ходатайства в губернии и Петербурге. Мы все должны взывать о помощи, чтобы нас спасли от всепожирающего огня, с минуты на минуту увеличивающегося и грозящего не только нам, — но всему настоящему строю, религии и государству. Так как у нас мало свободного времени, мы должны нанимать свободных людей, которые могут все свои силы уделить преследованию стачечников, но все-таки мы должны и их контролировать. Мы должны нанимать людей преимущественно из христиан, которые хорошо умели бы проучить стачечников, восстающих против своих хозяев; должны завести себе собственных шпионов, чтобы выследить все их тайные места и сборища, выведать их планы, чтобы предать их в руки правительства, не щадя ни своих родных братьев, ни сестер. Наконец, нужны деньги для составления приговоров о выселении лишних людей, которые ничем не занимаются, а только работают в союзе стачечников. Нужно хлопотать перед правительством, чтобы у мастеровых не было биржи, куда они собираются не для того, чтобы искать работу, а исключительно для того, чтобы условиться как действовать, кого

убить или разорить; чтобы или совсем закрыть городскую синагогу или же приставить к ней, по крайней мере, пять городских и десять или двадцать солдат, которые должны стоять у входов и на дворе и не допускать стачечников во время молитвы ходить по двору или даже по той улице. Они должны гнать их или в синагогу, где они должны стоять на одном месте, или домой, потому что они устроили себе там своего рода сборный пункт, где могут совещаться. Там происходят скандалы, драки, там убивают людей... Стыдно должно быть всему еврейству, что дом божий превратился в место сборищ социалистов, стачечников, жуликов, воров, разбойников, криминалистов... Скольких людей они уже там убили!.. Ах, стыдно, стыдно!..

«Итак, дорогие друзья, фабриканты и купцы Двинска, пользуйтесь временем и спасайте, пока возможно, пощадите ваше состояние, ваших жен и детей, а также и самих себя. Нужно стараться работать в этом направлении, насколько возможно больше.

«Распространяйте и показывайте это письмо всем вашим друзьям — фабрикантам и купцам — и уговорите их присоединиться к нам, так как, если мы будем бороться соединенными силами, мы сумеем оправдать сказание: „искореняйте возникшее между вами зло“.

* * *

Само собою разумеется, что все описанные здесь страхи непомерно преувеличены. Никаких массовых убийств в г. Двинске не происходило, а имели место только случаи избивания упорных хозяев и изменников-рабочих. Но это не важно. Интересно в этом документе то, что хозяева-евреи для борьбы со своими единоверцами-рабочими готовы требовать закрытия синагог и нанимать рабочих-христиан для грязных услуг против своих же единоверцев. Но ведь, чтобы побудить рабочего-христианина избить еврея, придется, пожалуй, разжигать в нем вражду к евреям? Двинские фабриканты о таких пустяках не беспокоятся. Мы надеемся, однако, что среди рабочих-христиан они не найдут себе союзников, что их глубокое убеждение в том, что за деньги все купить можно, не найдет себе подтверждения. Вот полицию царского правительства они действительно смогут купить — в этом не может быть сомнения.

этого можно было надеяться, что придуманное «суб'ективистами» противопоставление не найдет места, по крайней мере, в сочинениях тех писателей, которые выдают себя за марксистов. Эта надежда оказалась теперь неосновательной. Явился Б. Кричевский и снова разогрел старое измышление «суб'ективистов», исправив и дополнив его в интересах своей „тактики-философии“. Если г. Карееву случится прочитать статью г. Кричевского, то он с удовольствием отметит, что ошибка „суб'ективистов“ была в сущности очень незначительна: они полагали, что истинный марксист ставит ни во что суб'ективные планы людей; а из слов Б. Кричевского оказывается, что марксист не может признать своими философскими единомышленниками тех революционеров, которые стремятся предусмотреть направление об'ективного процесса общественного развития и построить соответственно с ним свои планы. C'est tout comme (это одно и то же) не без основания может воскликнуть «старый водолей»...

Б. Кричевский глубоко убежден в том, что его взгляд на тактику является «применением к борьбе партии одного из самых глубоких философско-исторических положений Маркса». Мы бьемся об заклад, что вы, читатель, не угадаете, какое именно «положение» имеет он в виду. Слушайте и удивляйтесь. Б. Кричевский говорит о знаменитом положении, согласно которому чело-

вечество ставит себе только выполнимые задачи. «Подобно человечеству, — говорит Кричевский, — соц.-демократическая партия, в нашу эпоху представляющая собою движение вперед, ставит себе... одну тактическую задачу за другой,сообразно с возникновением материальных условий для решения данной задачи» (стр. 26).

В этих строках поразительнее всего то обстоятельство, что соц.-демократия оказывается стоящей за пределами человечества. Правда, она «представляет собою» его движение вперед; но что она не является его составною частью, видно из того, что она подражает ему, поступая «подобно человечеству». Наш «человекоподобный» тактик забыл только пояснить нам, по какую же сторону человечества стоит социал-демократия: выше она или ниже?

В заключение заметим, что Б. Кричевский опустил еще один вид тактики, именно — тактику-болтовню. Этот чрезвычайно важный вид тактики может быть, в свою очередь, рассматриваем: 1) как болтовня-план, 2) как болтовня-процесс и 3) как болтовня-техника. Нам сдается, что статья подобного человечеству Б. Кричевского представилась бы нам в совершенно новом свете, если бы мы взглянули на нее с точки зрения болтовни-плана и болтовни-процесса.

[Г. Плеханов].

Нам пишут: «Во все земства разослан „совершенно доверительно“ циркуляр мин. вн. д., по которому губ. земским управам воспрещается сноситься между собой иначе, как через губернатора. Земцы считают циркуляр провокаторством со стороны министерства, которое надеется, что он, как прямо противоречащий положению о земских учреждениях, не останется неопротестованным, а протесты, которые последуют по поводу циркуляра, можно будет выставить как крамолу, что даст предлог урезать и без того жалкое местное самоуправление. А между тем, ст. 194 пол. о Зем. Упр. запрещает непосредственно сноситься между собой лишь земским собраниям, что же касается управ, то по ст. 104... „Земские управы с прочими губ. и уездными установлениями сносятся отношениями“».

Что эта выходка министерства есть провокация, это очень вероятно. Мы надеемся, что земцы, однако, не последуют в этом случае обычному либеральному приему: не откажутся от протестов против незаконного распоряжения под тем предлогом, что протесты-де будут на руку министерству.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Иваново-Вознесенск. (Фабричные порядки. — Социал-демократическая агитация.) На ткацкой фабрике Антона Гандурина практикуется обычай заставлять запасных ткачей, получающих 20 коп. в день, исполнять самую тяжелую черную работу. Тем же запасным, когда им придется отработать смену на станке, платят лишь половину обычного заработка. Протестующие немедленно увольняются. Между тем, в этом году в положение запасных попали многие старые ткачи: Гандурин занял после пасхи их места новыми рабочими, благо в безработных недостатка нет. В теч. июня и июля последовали сбавки с ткани по 2%. На фабрике очень часто бывает простой паровой машины, заставляющий ткачей гулять по двое суток, теряя заработок. Табельщик на фабрике отличается площадной бранью и пристаиваньем к женщинам и девушкам. Работница, не желающая выслушивать его мерзости, подвергается частым штрафам, иногда за то, что оправляет волосы или моет руки. На фабрике Бурылина 26 июля 46 рабочих отправились жаловаться фабричному инспектору на неправильную выдачу заработка. Инспектор принял рабочих очень ласково, но затем отправился к фабриканту и посоветовал ему рассчитать жалобщиков, что и было сделано.

С 1 октября расценки на Ивановских фабриках, обыкновенно понижаемые на 10%, понижены на 30%. Фабриканты, очевидно, пользуются тем, что кризис создал массу безработных. Местный Комитет Партии выпустил три прокламации: одну по поводу сбавки расценок, другую — специально к рабочим ситценабивных фабрик и третью — политическую. Рабочие ситценабивных фабрик приглашаются требовать 9-час. рабочего дня (вместо 11) по образцу ткацких и прядильных. Общая прокламация выставляет требования сокращения рабочего времени, восстановления летних расценок, отчетности в расходовании штрафного капитала и т. д. У Бурылина рабочие начали было стачку, но ее сорвали пришедшие из деревни рабочие. Вот она, «связь с землей!»! Настроение очень неспокойное, можно ждать большой стачки.

Все арестованные в мае по делу майских листов выпущены до решения дела. Рабочие держали себя на допросах стойко. Жандармский ротмистр Тимофеев отличается грубым обращением с рабочими, кричит, топает, говорит на «ты», прибегает к угрозам и предлагает рабочим поступить к нему на службу.

Серпухов (письмо рабочего). Летом нынешнего года в Серпухове было интересное движение рабочих, к несчастью окончившееся ничем. Дело разыгралось по сле-

дующей причине. На ситценабивных фабриках Коншина и Каштанова была объявлена сбавка расценка за работу, а между тем жизнь вздорожала, так что жить на эти средства было почти невозможно. Подтвержу это примером. Вместо 65 коп. рабочему пришлось 50 коп. в день, а его жене вместо 45 коп. — 30 коп., его сыну вместо 60 коп. — 40 коп. Рабочие решили требовать или прежних условий или других каких-либо льгот. В это же время было подлито масла в огонь большими несправедливостями в расчетах по книжкам фабричной лавки, в которой забирался товар фабричными. Через два-три дня на работу не вышло у Каштанова 200 или 300 чел., в точности неизвестно. Стачечники держались тихо. Вскоре присоединились рабочие с Коншинской так наз. новой мызы. Эти уже стали силой заставлять бастовать других коншинских рабочих, живущих на фабричных квартирах, обещая сжечь их и пустить по миру. Такие разговоры заставляли часть небастовавших других коншинских рабочих присоединиться, но большинство работало. Вскоре мирная стачка перешла уже в действие. Был подожжен склад дров Коншина. Тогда администрация вытребовала казаков и объявила, что фабрика запирается. Фабричные решили прекратить стачку и принять новые условия расценок: «зачинщики» уволены с фабрики.

С.-Петербург. Нам пишут: «В среду 19 сентября около народного дома Николая II (в Александровском парке) в конце девятого часа утра можно было видеть мирно стоящую плотную кучу толпы рабочих в 300—400 чел., перед которыми стояли до 40 городских пеших и 30 конных. Конки задерживались, и пассажиров, не хотевших ждать, не выпускали выйти. Потом приехали два эскадрона жандармов, еще до 100 чел. конной полиции, Клейгельс и проч. Лишь в третьем часу рабочих, не желающих разойтись (несмотря на всяческие угрозы), оцепили и куда-то повели. Из разговоров с публикой узнал следующее (хотя не ручаюсь за достоверность, так как слышал и другие версии): каменщики и маляры по постройке электротехнического института (на Аптекарском острове), возмущенные безобразными порядками, бросили работу и решили идти на Невский, вызвать Клейгельса и предъявить ему свои требования. Их успели задержать только у народного дома. Мне лично пришлось слышать негодование публики против полиции. Несколько раз слышал, как замечали: „рабочих едва три-четыре сотни, — а полиции и войск почти вдвое больше“; к концу поязились и солдаты: „это у нас всегда так, чуть что, соберется кучка рабочих, а полиция тут как тут, трое на одного“».

Урал. По поводу годовщины смерти замученного в тюрьме рабочего А. С. Тютеева на уральских заводах была распространена прокламация «К уральским рабочим». Приводим из нее отрывки: «Товарищи! 19 июня 1899 г. умер в Златоусте мастер Андрей Степанов Тютеев. Всего за несколько дней до смерти, 2 июня, он был выпущен из уфимской тюрьмы полуживой, — до тюрьмы это был совершенно здоровый человек. Годичное заключение в затхлой, полутемной, отвратительной тюрьме сделали из этого здорового человека цынготного больного; у него развилась в тюрьме скоротечная чахотка, и тогда правительство выпустило его из тюрьмы, уверенное в том, что больного не спасет ничто на свете. 21 июля толпы златоустовских рабочих хоронили своего товарища». Далее излагается политическое бесправие русского рабочего и его экономическая необеспеченность, сломить которые прокламация призывает рабочих. «Память о погибшем Тютееве побудит каждого сознательного рабочего посвятить все силы рабочему делу, делу освобождения рабочих от бесправия и угнетения; это единственный достойный способ почтить память замученного товарища... И когда окрепнет рабочее движение на Урале и во всей России, тогда рабочие встанут, как один человек, и раздастся клич: „Долой царское правительство! Мы требуем политической свободы, мы требуем права открыто вести и рабочее свое дело и открыто бороться за освобождение труда от всякого угнетения“».

Усть-Катавский завод (Уфимской губ. и уезда). (Письмо рабочего.) С февраля месяца нынешнего года Усть-Катавский завод перешел в руки уфимского горнопромышленного общества; с февраля же месяца новое общество и принялось за свою бесцеремонную эксплуатацию, не гнушаясь никакими средствами: начать свою кампанию оно решило с подлого обмана. В виду того, что завод только что начинал еще свою новую деятельность, разумеется, понадобились хорошие рабочие руки,— вот общество и решило выписать себе хороших мастеровых. Выписали. Обещали тот же заработок, какой они получали на последнем месте. Когда же рабочие съехались, то им предлагают плату, гораздо низшую, приблизительно три четверти той, какую они получали ранее. Попробовали было не согласиться, да ничего не вышло; за дорогу, нередко очень дальнюю, поиздержались, места потеряны, а новые когда-то найдешь, а пить, есть и сейчас надо. Так, делать нечего, пришлось согласиться.

По имеющимся сведениям всем вообще в Усть-Катаве живется невесело, но хуже всего пришлось, видно, литейщикам, так что у них вышла даже маленькая стачка. Мало обществу того, что оно гнусным обманом заманило в свои лапы рабочих, оно решило предпринять обычную систему прижимок, сбавки расценков и прочих приемов капиталистической гидры, вывесив на литейном цехе в конце июля объявление о сбавке расценков с 1 сентября. Литейщики пораскинули умом и порешили с середины августа, так недели за две до 1 сентября, заявить расчет, если расценки будут сбавлены. Но события предупредили это их решение, и сама администрация завода ускорила такое заявление литейщиков, вызвав в то же время забастовку тем, что работы, исполняемые учениками, стали давать старым мастерам, и те, таким образом, с трудом могли выработать свое и без того ничтожное подневное жалованье. Работать при таких условиях стало невозможно, и вот все литейщики, как один человек, в пятницу, 10 августа, с обеда не вышли на работу. Собрались на следующий день на соседней горке и решили бастовать до четверга, 16 августа, а там объявить расчет, если не будут удовлетворены их скромные требования. т. е. оставлены прежние расценки и работы даваться соответствующие.

В понедельник прискакал из Уфы с громом и молнией сердитый окривевший горный инженер Кихлер, исправник и начал успокаивать. Исправник сначала напустил гнева и ужасов, обещая замуровать живой рукой в каменные стены, кроме которых-де рабочие ничего за это не увидят, но потом, положив гнев на милость, стал разные добрые советы давать. — например, чтобы рабочие не предпринимали ничего сообща, а поодиночке заявляли бы в конторе о своем личном нежелании работать при таких условиях, но работ чтобы отнюдь не покидали, и т. д.; такой слишком немудреной политикой ему удалось все же расположить к себе рабочих. Кихлер же, тот все кричал и приговаривал: «так это у вас стачка!» и грозил распорядиться повсюду... Так и улеглось потихоньку это дело, многие со вторника стали на работу, с четверга же все пошло по-старому, только расценки оказались пониженными, старым литейщикам пришлось стать за ученическую работу, да одиннадцати лучшим товарищам объявлен расчет.

Курск. 29 августа облетела весть о небывалом событии в летописях города: «на трамвае бунт!» Привыкший к грохоту и звону вагонов обыватель с изумлением взирал на пустые пути и, скрепя сердце, нанимал повеселевших извозчиков. Однако, к часу дня показались первые вагоны, медленнее обыкновенного и как-то неуверенно скользившие по рельсам. К вечеру движение приняло обычный, правильный характер, но на улицах долго еще слышались разговоры и замечания о сенсационном событии, взволновавшем наш мирный земледельческий город.

Вот подробности «бунта».

В 7 час. утра около парков трамвая собрались машинисты и кондукторы (около тридцати человек), но на работу не стали, а потребовали, чтобы к ним явился для объяснений директор трамвая. Немедленно прибыл к ним один из администраторов и первым делом, по российскому обычаю,

стал ругаться скверными словами. Недвусмысленный ропот забастовавших и внушительный кулак одного из них тотчас прекратили, впрочем, поток начальственной ругани, и волей неволей начальство вынуждено было узнать, чего требуют недовольные: уменьшения рабочего времени путем увеличения числа смен, упорядочения штрафов, на которые у иных выходит за месяц чуть ли не половина жалованья, которое колеблется от 20 до 25 руб., и раздачи от общ. трамвая теплой одежды на зиму. Тем временем к месту «бунта» прибыл полицмейстер Стеткевич во главе отряда приставов и городовых, человек в 18, и само собой тотчас же принялся усмирять: «Молчать! Стною! Всех вышло административным порядком!» так и посыпалось из уст расвирепевшего охранителя порядка. Г. Стеткевич, как и администратор трамвая, тотчас же осекся. «Мы сюда не ругаться пришли, ваше высочородие»,—заявил ему кондуктор Павлов. «Ты разговаривать! Арестовать его!»—приказал держиморда.—«Арестовывайте всех!»—послышался голоса среди шума ругательства и восклицаний забастовавших, выведенных из терпения руганью начальства. Г. Стеткевич понял, что зашел далеко в усмирении, и переменял тон. «Что же, братцы, все хотите в часть? Пойдемте». И вот «братцы» во главе с приставом двинулись по Херсонской улице мимо губернаторского дома (пристав хотел было миновать дом нашего Милютина-паши, да кондуктора настояли) к зданию третьей части, в которой и водворились. В часть приехал местный жандармский ротмистр. Этот пошел дело тактичнее и убедил забастовавших дать подписку, что все они станут на работу. Подписку дали под условием, что начальство выслушает их требования и жалобы. На следующий день служащие трамвая узнали, что десять человек из них администрация уволила и что Павлов посажен в тюрьму как «зачинщик». Вероятно, трамваю пришлось бы снова стать, если бы не попечительная жандармерия, по настоянию которой уволенных снова приняли. Кроме того, депутатов от рабочих соблаговолил выслушать управляющий губернией фон-Бюнтинг в присутствии директора трамвая, которому и указал, как слышно, что надо порядки улучшить, время работы сократить... Нет сомнения, что администрация трамвая, вкуче с попечительной жандармерией, успеет еще разделаться с «бунтовщиками» и помаленьку, исподволь переменит состав «беспокойных». Но пока последние торжествуют и уверены, что хотя часть их требований будет уважена. Павлов просидел три дня—в действиях его «состава преступления» не усмотрели, выпустили из тюрьмы и даже приняли на службу.

Надо отдать справедливость забастовавшим, — держали они себя очень тактично и обдуманно: единодушно показывали начальству, что действуют они без уговора и что забастовка их вовсе не забастовка.

Во всех слоях населения забастовавшие вызвали самое полное сочувствие (на словах пока, к сожалению), и «бунт» трамвая живым и веселым лучем скользнул по нашей монотонной, серенькой жизни.

Харьков. 8 сентября в Харькове забастовали портные четырех главных военных портновских мастерских: Ласса, Халевского, Грозберга и Ищенко. Причиной забастовки, которая была задумана еще в мае и для осуществления которой с того времени начались сборы денег по 20 коп. с человека, послужили чрезвычайно низкие расценки (почти все портные работают в означенных мастерских поштучно), результатом которых было то обстоятельство, что хозяева наживали на каждой вещи 75—120% и более. Было выставлено два требования: 1) увеличение и уравнивание расценков для всех четырех мастерских и 2) прекращение той площадной ругани, которая прежде висела в мастерских. Всего забастовало 85 человек и к ним прикнуло еще 20 чел. дамских портных «Еврейского магазина». Небастовавших было всего около 10—11 чел.

Приглашенные хозяевами портные из Полтавы были уговорены бастующими уехать обратно в Полтаву. Привезены были также мастера-портные из Киева, но эти, узнав в чем дело, сами побросали работу и выехали.

После 12 сентября было несколько совещаний владельцев магазинов с депутатами от стачечников; 20 числа были

выработаны правила и новые расценки так, как хотели ба-стовавшие. С 24 числа работы будут возобновлены, и выработанная таблица цен будет прибита в каждой мастерской. Цены увеличены от 50 коп. до 1 руб. 50 коп.

В случае неисполнения условий хозяевами, решено снова объявить забастовку. Во время забастовки Комитетом Партии и группой «Союз Борьбы» были выпущены воззвания к обществу о поддержке стачки.

Крым. Стачка у русского царя! 7 октября в находящемся на южном берегу Крыма имени русского царя «Ливадия» произошел великий скандал: забастовало 50 рабочих. Причина забастовки — недовольство рабочих несправной выдачей денег и грубым обращением. Главный управляющий имений царя, генерал Евреинов, пытался «успокоить» собравшихся в конторе рабочих, уверяя их, что «они шумят из-за пустяков», что «их сбивают злые люди» и проч. Но увещания от'евшегося на жирных хлебах царского холопа никакого впечатления на рабочих не произвели, и они, выставив категорически свои требования, бросили в 5 ч. вечера работу. Царская контора не замедлила пойти на уступки и выразила на следующий же день готовность удовлетворить выставленные стачечниками требования, выдала им из конторы счета для просмотра, обещали вперед «вежливое обращение».

Среди крымских рабочих этот отрядный факт производит сильное впечатление, содействуя росту классового и политического сознания. Вот тебе и царь, — говорит даже темная еще рабочая масса, — выходит, что кровь нашу он пьет не хуже любого подрядчика.

Сознательные крымские рабочие должны воспользоваться этим фактом для усиления соц.-демократической агитации среди местного рабочего класса, указывая на резко сказавшуюся здесь солидарность интересов царя и всяких иных эксплуататоров трудящегося люда.

Кстати отметим, что, как нам сообщает побывавший на работе в царских имениях пролетарий, у царя суще-

ствует, напр., строгое воспрещение курить в его имении (рабочему люду, конечно). За нарушение этого приказа штрафуют в 10—25 руб.!

ИЗ ПАРТИИ

Орехово-Зуевская рабочая организация расширилась и приняла название «Орехово-Богородской организации», принадлежащей к Росс. С.-Д. Раб. Партии. Устав организации свидетельствует о том, что орехово-богородские товарищи положили в основу строго-конспиративные и революционные принципы.

Организация заявляет в своем уставе, что признает своим руководящим органом «Искру». Имея в виду издание агитационных листов на местные злобы дня, организация оговаривается, что, хотя эти листки могут носить «экономический» характер, но это не значит, чтобы организация держалась «экономического направления». Согласно уставу, 10% средств кассы отчисляются в стачечный фонд, 25% на нелегальную литературу, 10% на помощь арестованным и 30% на конспиративные расходы.

Приветствуем новую организацию и надеемся, что ей удастся осуществить поставленные ею задачи. В недалеком будущем постараемся познакомить читателей с извлечениями из устава.

Опечатка¹⁾. В № 9, в статье о Голландии, вместо «ожидали повода» следует: «они дали повод».

За неизменением места отчет отлагается до след. №.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Дело о стачке морозовских ткачей разбиралось дважды: сначала во Владимирском окружном суде без участия присяжных заседателей (из 19 рабочих двое были оправданы и 17 приговорены к аресту при полиции на сроки от 10 дней до 3 месяцев). Во второй раз судились там же 33 рабочих с участием присяжных заседателей. Обвинение было предъявлено по статьям, по которым полагалось наказание 15—20 лет каторги (за подстрекательство толпы к нападению на военный караул для освобождения арестованных, приведение этого намерения в исполнение, разрушение фабричных зданий и разграбление имущества). На этот раз все обвиняемые были судом присяжных оправданы. По этому поводу Катков, захлебываясь от бешенства, писал в «Московских Ведомостях»: «Вчера в старом богоспасаемом граде Владимире раздался 101 салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса».

Прим. 2. Бернштейн, Эдуард — немецкий социал-демократ, наиболее типичный представитель ревизионизма (пересмотр марксизма). Прокопович — один из наиболее откровенных марксистобразных либералов, проповедывавший вместе с Кусковой «экономизм», доведенный до своих крайних логических последствий (напр., в известном документе «Credo»). Геркнер — либеральный немецкий экономист, написавший между прочим книгу «Arbeiterfrage», ценную по своим материалам и переведенную Мартовым в 1899 г. («Рабочий труд в Зап. Европе»).

Прим. 3. Соц.-демократическая газета «Вперед» издавалась группой «Рабочее Дело» в Киеве в конце 90-х годов (№ 1 «Вперед», помеченный 8 дек. 1896 г., вышел в январе 1897 г. Составлен Вигдорчиком и частью Розенбергом. № 2 вышел 28 февраля 1897 г.).

¹⁾ Опечатка в тексте настоящего издания исправлена. Ред.